

До тех пор, пока ночная тьма окончательно не смыла все следы заката, Фу Гэ так и не пришёл в себя. А вот Ци Хань за это время успел сделать больше сотни совместных фотографий и теперь усердно занимался их обработкой.

Маленький бета нежно задел пальцем его ладонь.

— А Хань...

Ци Хань мгновенно отложил телефон.

— Гэ проснулся? Как ты? Ещё болит?

Фу Гэ нахмурился, словно сдерживая боль.

— Немного. Слабость по всему телу. Что со мной случилось?

— Да всё то же старое, — ответил Ци Хань с виноватым видом. — Воспаление внутренних каналов. Гэ не переносит мои феромоны.

— Не переносит? Как так? Ты ведь мой альфа?

Он застыл, а глаза тут же покраснели.

— Гэ, что ты только что сказал? Я... кто тебе?

Осознав, что только что ляпнул, Фу Гэ покраснел до самых ушей.

— Даже это собираешься высмеивать? С каких это пор ты стал таким вредным?

Ци Хань тихо засмеялся, придвинулся ближе и крепко взял его за руку. Его дыхание было сбивчивым, а голос дрожал.

— Я не издеваюсь. Я правда хочу это услышать. Ты ведь уже так давно не говорил мне ничего подобного. Скажи ещё раз, пожалуйста?

Фу Гэ лишь фыркнул, недовольно щурясь, и лёгким движением ущипнул его за нос. В его голосе звучала такая тёплая, мягкая нежность.

— Да что это вообще за признания такие? Когда это ты стал таким податливым? Ци Хань — мой альфа, мой парень, моя любовь, моя семья, моя родственная душа, мой...

— Хватит-хватит! Довольно! Не надо больше! — Ци Хань так спешно перебил его, что слова перепутались, и он бросился на Фу Гэ как большой радостный щенок, почти придавив его.

В его голосе слышались слёзы.

— Брат, помилуй, не говори так сразу столько всего. Моё сердце и так сейчас выпрыгнет...

Он трясущимися руками достал телефон, включил запись и посмотрел на Фу Гэ почти умоляюще. Его глаза, чуть покрасневшие, блестели как стекло, затянутое тонкой плёнкой влаги.

— Скажи ещё раз, пожалуйста? Я хочу поставить это на будильник.

Фу Гэ смутился и распахнул глаза.

— Ты... ты вообще не стыдишься? А если кто-нибудь услышит?

— Ну и пусть, — Ци Хань даже словно ожидал этого. — Если услышат, значит, будет ещё один человек, который узнает, что Гэ признавался мне в любви.

Хотя бы кто-то ещё, а не только я один, словно эта горькая, одинокая любовь — всего лишь ложь, которой я сам себя тешу.

— А можно ещё инфантильнее, господин Ци? Сколько вам лет-то? — маленький бета ухватил его за щёки и чуть растянул их, притворно фыркая.

— Так ты дашь мне записать или нет? — Ци Хань пошёл на уступки: — Ладно-ладно, если брат стесняется, я не буду ставить это на будильник. Буду слушать тайком.

— Да что тут вообще слушать, — пробурчал Фу Гэ. — Когда ты собрался это слушать тайком?

Ци Хань вдруг улыбнулся так лукаво, что сердце Фу Гэ пропустило удар. Он подался ближе и прошептал ему на ухо несколько слов:

— Когда... думаю о тебе и делаю это сам.

— Ты... — Фу Гэ мгновенно залился краской, вспыхнув, словно маков цвет, и сердито попытался оттолкнуть его. — Среди бела дня, а ты такое несёшь!

Ци Хань, конечно, и не думал останавливаться. Но даже несмотря на всё смущение, с которым Фу Гэ отворачивался, было ясно как день: это смущение он несколько не ненавидел.

— Хорошо-хорошо, я был неправ. Больше не скажу, ладно? — Ци Хань, словно прилипчивый кот, тёрся об него, выпрашивая прощение. И пока тёрся, не унимался: — Гэ, ну запиши, пожалуйста. Умоляю тебя, Будда ты мой, предок дорогой, ну пожалуйста.

Фу Гэ просто не выдержал его настойчивости и, тяжело вздохнув, наконец сдался. Он повторил сказанное слово в слово, а потом ещё раз, и ещё, потому что Ци Хань упорно заставлял его пересказывать всё заново, пока не убедился, что ни одной ошибки нет.

Тело всё ещё было слабым, и вскоре Фу Гэ снова начало клонить в сон. Альфа аккуратно поцеловал его в лоб, медленно поглаживая уголки его губ, где всё ещё теплилась лёгкая улыбка.

— Сладких снов, малыш. Я найду способ тебя вылечить.

Голос у него был почти шёпотом, так тихо, что Фу Гэ не сразу расслышал.

— Что?..

— Ничего, спи.

Ци Хань укрыл его одеялом, поправил складки, а потом, не оглядываясь, вышел из палаты. В ту же секунду, как за ним захлопнулась дверь, улыбка застыла на его лице, словно плёнка на поверхности воды, и, не продержавшись и пары секунд, распалась, уступив место чему-то холодному и тоскливому.

А в это время в комнате, за закрытой дверью, Фу Гэ резко распахнул глаза. Он прижал руку к груди, где сердце болезненно ныло, и, отвернувшись, уткнулся лицом в подушку.

Эта деревянная дверь была словно барьер между реальностью и сном: по одну сторону они были парой, снова счастливыми и влюблёнными; по другую — вели незримую, беспощадную войну, полную жертв и предательства.

Ци Хань отлично понимал, почему Фу Гэ внезапно стал таким мягким. Долгие признания в любви, согласие записать голосовое даже после его наглых слов — всё это было не чем иным, как тщательно спланированной манипуляцией.

Фу Гэ всегда так делал. Каждый раз перед тем, как сделать очередной ход в своём плане, он подкидывал Ци Ханю немного сладости.

Никто из них не произносил вслух ни слова о болезни и продаже желез. Но как только прозвучало это простое: “Ты ведь мой альфа?”, — Фу Гэ уже был в выигрыше.

Потому что молчание значило одно: Ци Хань уже решил. Он не стал бы столько говорить о рисках, если бы собирался отступить.

Ци Хань склеил эту запись с другими — там, где Фу Гэ спрашивал про Ци Чуаня, где его голос звучал так нежно и заботливо. Он слушал её снова и снова, почти одержимо, словно хотел врезать в память каждую интонацию, каждое дрожание голоса. Даже во сне его не отпускали образы: Фу Гэ, произносящий эти слова, Фу Гэ, улыбающийся ему, Фу Гэ, который принадлежит только ему.

Фу Гэ лгал ему. Но и он сам лгал себе.

На следующее утро, едва рассвело, Чэнь Син ворвался в дом, выглядя так, будто всю ночь ехал без остановки. Под глазами у него темнели круги. Не успел он переступить порог, как сразу же ухватил Ци Ханя за руку и молча потащил его в ванную.

— Есть новости?

— Угу. — Чэнь Син бросил быстрый взгляд наружу, удостоверился, что никого нет, и только потом заговорил вполголоса, почти шёпотом: — В прошлом месяце один омега погиб в автокатастрофе. Его семья согласилась пожертвовать его железу, но каким-то образом эта железа оказалась на чёрном рынке. Похоже, один из врачей продал её. Я выяснил, что через неделю она будет выставлена на продажу. Цена — три миллиона.

— Через неделю... — медленно повторил Ци Хань, усмехнувшись с горечью. — Он даже столько ждать не может.

— Чего? Кто не может ждать? Да что с тобой, я тебя вообще не понимаю в последнее время!

— Ничего. — Ци Хань помедлил, будто что-то прикидывал про себя, а потом сухо, почти машинально, произнёс: — Три дела. Надо сделать за неделю.

Чэнь Син мгновенно посерьёзnel.

— Говори.

— Первое. Найди семью этого омеги и передай им три миллиона. Они вряд ли знают, что случилось с железой их сына.

Чэнь Син кивнул, но тут же нахмурился.

— Это надо сделать тихо, мне придётся открыть новый счёт.

— Не нужно, — холодно отрезал Ци Хань. — Сделай это максимально открыто.

— Ты с ума сошёл? — Чэнь Син уставился на него как на идиота. — Да ты прямым текстом хочешь, чтобы все узнали, что это ты! Может, сразу деньги от своего имени отправим?

— Не от моего. — Голос Ци Ханя был твёрдым и бескомпромиссным. — От имени моего отца.

Его отец, Ци Цзи, всю жизнь посвятил исследованиям в области ингибиторов и желез омега. Ещё при жизни он основал Фонд Защиты Желез Омега, помогая тем, у кого были проблемы с железами.

За более чем десять лет работы фонда туда было вложено свыше пяти миллионов, и десятки омега получили анонимную помощь. После смерти отца делами фонда занялся сам Ци Хань.

Чэнь Син непонимающе прищурился.

— Ты хочешь вывести Ци-шу из-под удара?

— Угу. Второе дело. — Ци Хань включил телефон и переслал Чэнь Сину какой-то файл. — Здесь списки всех, кому помог фонд за последние двадцать лет. Найди их и попроси написать благодарственные письма, если они согласятся. А потом свяжись с отделом пиара и пусть опубликуют это в сети. За неделю мне нужно, чтобы все узнали, что мой отец сделал для защиты омега.

Чэнь Син невольно сглотнул, а потом медленно выдохнул, прикрыв глаза.

— То есть ты уже всё решил. И теперь просто перестраховываешься, чтобы, если всё вскрыется, никто не смог втянуть Ци-шу в это дерьмо. В крайнем случае скажут, что он просто не справился с воспитанием сына...

— Тоже вариант. — Голос у Чэнь Сина немного дрогнул. — Ци-шу всю жизнь держался в тени, пора бы ему хоть раз побывать в центре внимания... И что за третье дело?

Ци Хань замер, словно обдумывая каждое слово. Голос его прозвучал медленно и холодно:

— Последнее. Найди все статьи и отчёты о событиях девятилетней давности. Подними их снова и заставь всех об этом говорить.

— Ч-чего?! — Чэнь Син, казалось, проглотил язык, ошарашенно моргая. — Зачем это? Это же ни к чему сейчас!

Девять лет назад в столице произошла жуткая резня, которая ещё долго не сходила с первых полос. Учёный и его сын оказались запертыми в собственном доме, где их пытали и издевались над ними. Учёного застрелили, а мальчик едва выжил. Один из виновников так и не понёс наказания, умудрившись скрыться.

Тогда эти новости гремели на каждом углу, а фотографии с места происшествия, даже несмотря на все цензурные замыливания, выглядели настолько жутко, что кровь стыла в жилах. Шум не утихал ещё два года спустя, когда Ци Хань наконец выписался из реабилитационного центра.

Ему тогда было шестнадцать. Бесчисленные журналисты, прикрываясь фальшивыми словами поддержки, ломались к нему домой, окружали его в гостиной и выпрашивали до мельчайших подробностей, как это было. А потом, припудрив всё слащавыми фразами, выкладывали статьи в сеть, призывая всех жалеть несчастного мальчика.

И это было для Ци Ханя страшнее, чем любые уколы.

Ни одна жертва не захочет, чтобы её боль раз за разом выворачивали наизнанку. Ему не нужна была жалость. Ему нужно было забыть.

Но каждый невинный вопрос: “А как ты сейчас живёшь?” — снова и снова тянул его назад, в ту самую проклятую маленькую комнату, где он заново переживал всё как в замедленной съёмке.

На то, чтобы убрать все те статьи, ушли годы. И сейчас Чэнь Син просто не мог понять, почему вдруг понадобилось вытаскивать всё это наружу.

Ци Хань, кажется, тоже вспомнил то время. Правая рука, истыканная шрамами от игл, заметно дрожала.

— Фонда недостаточно, — глухо произнёс он, прикрыв глаза, словно от этого воспоминания жгло не хуже перца. — Если всё вскрыется, отец обязательно пострадает. Здравомыслящие люди скажут, что он просто не справился с воспитанием сына, и на этом всё утихнет. Но всегда найдутся те, кто начнёт выдумывать истории и сомневаться в честности фонда. Надо закрыть им рты, пока не успели.

И та давняя резня подходила для этого идеально.

Трагическое детство. Бесчеловечные мучения. Этого более чем хватало, чтобы объяснить любые отклонения в характере и любой слом в психике. Ци Хань предпочёл бы содрать собственные раны до мяса, чем дать хоть малейший повод очернить имя своего отца.

Единственный результат, который его устраивал: если всё-таки тайное станет явным, все сразу должны понять —

Тот учёный, который посвятил всю свою жизнь защите омег и исследованию желез, не имел к этому никакого отношения. Это был не его грех, не его ошибка. Всё зло — в нём, в Ци Хане, чьё сознание было изломано мучениями в детстве.

С той самой минуты, как он решил помочь Фу Гэ и отправиться с ним в это безумие, он твёрдо знал: никто, кроме него, не должен за это отвечать.

Даже “не справился с воспитанием” — и это не должно было коснуться его отца.

Пусть все проклятия и обвинения остаются только ему.

Десять вечера. Небо чистое, луна светит ярко, а звёзды — редкими искрами.

Ци Хань в одиночку приехал на кладбище — сюда, где покоился его отец.

— Я пришёл, пап. — Горлышко пивной бутылки громко стукнулось о надгробие. Он без особых церемоний опустился на землю, запрокинул голову и сделал глоток, как обычно начиная свой отчёт.

— В этом году я приходил редко. Работы слишком много. В начале года мой проект наконец-то запустили, сейчас уже половина готова. Если всё пройдёт успешно, то цена на тот ингибитор, что ты разработал, можно будет снизить на четверть. Больше людей смогут себе это позволить.

Это было последнее исследование его отца. Сам Ци Хань воспользоваться им не мог, но хотя бы другие получают от этого пользу.

Он методично, месяц за месяцем, рассказывал о своих делах. А потом вдруг, будто бы случайно, перешёл к одной давней истории и, усмехнувшись, признался:

— Когда мне исполнился двадцать один, я нанял двух актёров, чтобы они сыграли тебя и маму. Я тогда так и не решился тебе сказать, боялся, что ты будешь смеяться. Всё-таки такой взрослый, а занимаюсь такой чушью.

Он сделал ещё глоток, замолчал на несколько секунд, а потом неожиданно рассмеялся:

— Они сыграли просто ужасно. Зря я тогда полгода копил деньги...

Его отец был учёным, мать — балериной, а те двое выглядели так, словно всю жизнь торговали девицами в порту.

— А потом... в сентябре... мой... — Он запнулся, подбирая слова, а потом, будто решившись,

проговорил: — Мой парень вернулся.

Медленно и осторожно выговаривая эти три слова, словно каждый звук царапал горло изнутри.

— Сяо Гэ. Ты ведь помнишь его, да? Я тогда всё тебе про него рассказывал.

Никому нельзя было говорить о том, как его сердце бешено колотилось в семнадцать, когда он мчался сюда, на это самое кладбище, чтобы поделиться каждым взглядом, каждым случайным прикосновением.

— Мы помирились, — голос у него прозвучал почти весело. Он откупорил новую бутылку и продолжил: — Если всё пойдёт по плану, то в феврале мы поженимся. Ничего особенного: небольшое винодельческое поместье, немного гостей. Ты, если сможешь, приходи. И маму с собой захвати.

Ночной ветер был тихим, вокруг не слышно ни души. Он вызвал такси через приложение и чокнулся с надгробием, будто выпивал с кем-то напротив.

Когда алкоголь потихоньку начал ударять в голову, слова, которые он пытался спрятать, вдруг сами полились наружу.

— Пап... на самом деле я наврал. Сяо Гэ вернулся не для того, чтобы мириться. — Голос его дрогнул, и он, будто на автомате, сделал ещё один глоток.

Он пришёл проводить меня в ад...

— Я просто повторил с ним то же самое, что тогда сделали с нами.

— Я не знаю, как у меня вообще поднялась на это рука. Как будто в тот момент меня совсем переключило. Ни одной мысли, только ненависть. Но сделал — значит, сделал. И если в итоге всё обернётся плохо, то это будет вполне заслуженно.

Он уронил голову на колени, пустая бутылка покатила по земле, а холодный мрамор надгробия молчаливо блестел в свете луны.

Но даже сейчас, несмотря на все эти планы и решения, он всё ещё надеялся, что это всего лишь игра его разума, болезненная иллюзия, от которой он вот-вот проснётся.

Он посидел ещё немного, допил остатки пива, а потом медленно поднялся, пригладил одежду и снова встал перед надгробием. Голос был спокойным, почти нежным.

— У меня всё хорошо, пап. Ты не переживай.

Его губы дрогнули в слабой усмешке.

— На Цинмин* в следующем году... я, наверное, не смогу прийти. Если ты всё ещё будешь тут, то просто... попробуй меня поискать. Я, возможно, сам уже не найду дорогу домой...

ПП: *Цинмин (清明, Qīngmíng jié) — это традиционный китайский праздник, известный также как Праздник чистого света или День поминовения усопших. Он отмечается ежегодно в начале апреля и связан с почитанием предков, посещением их могил и уборкой на кладбищах. В это время люди приносят цветы, поджигают благовония, оставляют дары и сжигают ритуальные бумажные деньги, чтобы выразить своё уважение к ушедшим.

<http://bllate.org/book/14453/1278334>